

Никита Гусев

Трансформационные революции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Взгляд тридцать лет спустя

Падение коммунистических режимов/режимов «народных демократий» в Центральной и Юго-Восточной Европе не перестает быть актуальной темой исторических и политологических исследований. Со временем открываются не только новые источники, повествующие о данных событиях, но и становятся ясны итоги произошедших преобразований, что позволяет ретроспективно переоценить революции конца 1980-х. По этой причине нет и безоговорочно принимаемой характеристики данных перемен.

Организаторы конференции в Институте славяноведения РАН «Идейно-политические противостояния в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1989–2019 гг. Дилеммы и решения», предложили свою характеристику, отраженную в подзаголовке — «К 30-летию трансформационных революций». По итогам мероприятия была подготовлена коллективная монография¹, в предисловии к которой ответственный редактор издания К.В. Никифоров объяснил причину выбора именно такого термина. В историографии чаще всего революции называют «бархатными», подчеркивая их ненасильственный характер, но авторы труда вводят свое название, ставя во главу угла цель революций, а не способ их осуществления (С. 9–10)².

Такая постановка вопроса, безусловно, вызывает интерес, поскольку исследовательский фокус смещается с описания хода событий на анализ

© **Гусев Никита Сергеевич** — кандидат исторических наук, учёный секретарь, Институт славяноведения РАН. E-mail: gusevns@gmail.com

¹ Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 гг. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. 400 с. (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. Вып. 2).

² Здесь и далее в скобках указаны страницы коллективной монографии.

надежд и целей политических элит и обществ в целом, их соответствие воплотившейся реальности. Однако подобный взгляд всегда субъективен, и велика вероятность создания однобокой картины. В данной монографии подобного удалось избежать, поскольку среди авторов разделов — представители российских и зарубежных организаций, в том числе и очевидцы событий. Второй сложностью поставленной в монографии проблемы является необходимость всестороннего освещения процессов. Потому нельзя не отметить еще одно достоинство труда — наличие среди авторов историков-страноведов, историков-международников, политологов, экономистов, журналистов. В то же время монография не рассыпается на серию очерков, очевидно лишь деление на два региона, что обусловлено спецификой процессов.

Однако первая глава, написанная К.В. Никифоровым и включенная в раздел «Трансформационные революции в странах Центральной Европы: модели и их реализация», в действительности соотносится со всей книгой. Описываемый в ней процесс характерен для всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы, переживших транзит, — рост национализма в тот момент, когда демократические идеи уже приобретают массовость, но еще не одержали победу. Автор обоснованно это характеризует как «одну из очевидных закономерностей демократических трансформаций» (С. 22).

Вторая глава открывает раздел о трансформационных революциях в Центральной Европе. Она описывает явление надгосударственного характера — Вишеградскую четверку. Автор главы Л.Н. Шишелина оценила ее как «наиболее очевидную удачу всего переходного периода в этой части Европы» (С. 26). Действительно, лишь состоявшиеся во всех смыслах государства могли пойти на подобное объединение, благодаря чему противостоят диктату Брюсселя. Это ярко подчеркивает разницу между двумя исследуемыми в монографии регионами — на Балканах сильнее центробежные, нежели центростремительные силы, а о реальных попытках выступить против воли ЕС нет и речи.

Главы с третьей по пятую посвящены наиболее «строптивому» члену Евросоюза в регионе — Венгрии. На примере противостояния политике ЕС в отношении миграции Б.Й. Желицки показал отношение современного венгерского руководства к навязываемой из Брюсселя трактовке федерализма и его стремление сохранить суверенитет в рамках союза. При чтении текста складывается впечатление, что автор выступает на стороне В. Орбана в его борьбе с диктатом «неолиберального чиновничества в Брюсселе», однако приведенные данные социологических измерений показывают, что и большинство населения Венгрии разделяет взгляды своего премьера (С. 46–48). В четвертой главе О.Г. и С.О. Воло-

товы развили тему внешней политики Венгрии при В. Орбане. Однако они не только показали, в чем венгерское руководство не соглашается с ЕС, но и почему — Будапешту удается ловко лавировать между другими глобальными игроками — Китаем, США и Россией. Если с первой упомянутой державой развивается сотрудничество, пусть и нервирова Брюссель, то второй Венгрия фактически подчинилась, приняв навязанные условия сотрудничества в военной и экономической сферах. Отношения же с Москвой не отличаются ясностью и стабильностью. Несмотря на заявления о неэффективности санкций, правительство В. Орбана не делает на этом направлении шагов, серьезно противоречащих политике ЕС и НАТО.

Однако для проведения независимой внешней политики необходимо иметь прочную экономическую базу, формирование которой показал Ф.Е. Лукьянов. Венгерский «НЭП» («неортодоксальная экономическая политика»), как автор главы характеризовал действия В. Орбана в этой сфере, позволил избавиться от зависимости от МВФ, обеспечить энергетическую независимость и стать крупнейшим в Центральной и Юго-Восточной Европе производителем автомобилей. Продуманная инвестиционная стратегия привела к тому, что 85% ВВП страны составляет экспорт. Хотя, как признает Ф.Е. Лукьянов, одна из причин инвестиционной привлекательности страны — низкие зарплаты, а, следовательно, и невысокий уровень жизни. К тому же над страной нависает внешний долг. Хотя при этом позитивная тенденция очевидна.

Менее радужно описана Л.Н. Шаншиевой трансформация ГДР в рамках единой Германии. Изначальное неравенство сложившейся структуры экономики, на востоке лишенной крупных центров экономического развития, не было преодолено, чему вдобавок помешали внешнеэкономические факторы. В итоге экономические показатели двух частей страны значительно отличаются, что демонстрирует провал «универсальной модели трансформации постсоциалистического общества» — заимствования политических и экономических институтов. Причина тому, как указывает Л.Н. Шаншиева, в том, что интеграция двух самостоятельных систем даже в условиях их неравноправия приводит к формированию новой системы (С. 101).

Блок «польских» глав демонстрирует аналогичный венгерскому процесс прихода к власти консервативных сил. О.Б. Неменский описал весь спектр этого политического направления, от уважаемых наследников Ю. Пилсудского и Р. Дмовского до маргинальных неоязычников. По его мнению, причина их успеха — несовпадение ожиданий населения, базирующихся на довоенных воспоминаниях о Европе, и реальности, которая включает в себя и принципы современного либерального общества. «Насаждение Западом новых антитрадиционных ценностей (права сек-

суальных и прочих “новых меньшинств”, толерантность, открытое общество и т. д.) в весьма консервативном и католическом польском обществе вызывает ответную реакцию», — считает О.Б. Неменский (С. 104). Согласен с ним и О.Ю. Михалев, сосредоточивший внимание уже на правящей партии «Право и справедливость» (ПиС) и причинах успеха ее евроскептической политики: «Можно утверждать, что немалая часть польского общества, не разделяя ценностей ЕС, поддерживает его только потому, что связывает с ним надежды на экономическое благополучие» (С. 130). Однако, как он добавляет, евроскептицизм ПиС не только сущностного, но и политического происхождения — он обусловлен противостоянием с крупнейшим объединением либерального толка — «Гражданской платформой».

В то же время в борьбе с либеральной частью элиты ПиС часто блокировалась с католической церковью. Роли в политике этого немаловажного в Польше фактора посвятил главу В.В. Волобуев. Он подробно описал динамику взглядов церкви, ее влияние на принятие политических решений и пришел к выводу о том, что от защиты прав человека она перешла на позиции критики европейских ценностей и защиты морали, существовавшей до Второго Ватиканского собора (С. 152).

Э. Ворачек в 10 главе обратился к начальной стадии трансформационных революций в поиске ответа на вопрос: почему в Чехии не возникло левой альтернативы либеральной трансформации. Хотя он и отмечает, что имела место «эскалация критического отношения ко всему, что связывалось с предшествовавшим развитием Чехословакии», главную причину видит в ином: «В ситуации тотального дефицита времени у левых сил отсутствовали возможности для концептуальных разработок предстоявшей системной трансформации» (С. 178). Хотя, заметим, откат к посткоммунистическим силам в других странах региона переходил именно потому, что они предлагали концептуально старое, лишь переиначив политические лозунги и отказавшись от слова «коммунистическая». Однако в Чехии все выглядело иначе. Местные социал-демократы (ЧСДП), одна из влиятельнейших сил страны, не являются наследникам компартии. С преемниками последней (КПЧМ) они и вовсе отказываются сотрудничать. А вместо этого ЧСДП создала коалицию с главным политическим противником — ГДП, подписав в 1998 г. т.н. «Оппозиционный договор», нацеленный на сохранение стабильности в политической системе страны, а через два года — Патент толерантности. Данное следствие трансформационной революции рассмотрено Э.Г. Задорожнюк. По ее мнению, созданная стабильность в стране способствовала вступлению Чехии в европейские и евроатлантические структуры: «В целом Оппозиционный договор можно трактовать как своеобразный “пропуск”

в НАТО, а Патент толерантности — соответственно, в ЕС» (С. 195). Хотя само действие документов вскоре истекло, заложенный стиль решения проблем сохранился. Формально это воплощено в новом коалиционном соглашении 2018 г., в действительности же установившаяся на рубеже веков практика оказывала влияние все первые десятилетия XXI в. Благодаря этому, на зависть соседям Чехия сохраняла высокие темпы экономического роста, несмотря на жаркие политические баталии.

И все же иногда они прорываются по неожиданным поводам, загоняя правительство в тупиковое положение. Таковым стал вопрос о переносе памятника маршалу И.С. Коневу, детально изученный В.В. Трухачевым. Признавая двойственность позиции руководства страны, автор указывает, что в районе, откуда мемориал был удален, «антироссийские партии и кандидаты даже популярнее, чем по столице в целом» (С. 203), потому не стоит видеть в данном казусе начало антироссийской истерии в Чехии. Более того, реакция внутри страны на данные действия администрации района Прага 6 показала раскол в обществе по поводу политики в отношении России. Впрочем, после событий апреля 2020 г. есть основания для пересмотра этих выводов.

Несколько не на своем месте, как представляется, оказалась 13 глава, написанная В.В. Никитиным и посвященная чехословацкой правящей элите в преддверии «бархатной» революции. Нарушение хронологического принципа разрывает плавность повествования и мешает рассмотрению последствий трансформационной революции в диахронии. К тому же тематически глава Э. Ворачека является практически прямым продолжением 13 главы. Показанные в тексте нежелание правящей элиты идти на модификацию политической системы, дифференциация на консервативную и прагматическую составляющие, во многом и объясняют как причины революции, так и отсутствие левой альтернативы во время трансформации. Однако в то же время глава является завершением раздела, посвященного странам Центральной Европы, а потому, возможно, составители сознательно решили «закольцевать» сюжет трансформации или же «перекинуть мост» к балканской части книги.

Второй раздел монографии демонстрирует нам совершенно иные процессы. Часто оспариваемая классификация по регионам в данной книге более чем обусловлена. Второй раздел своим материалом демонстрирует верность заявленного в предисловии тезиса о том, что «страны Центральной и Юго-Восточной Европы еще долго сохранят свое типологическое отличие и друг от друга, и еще больше — от “старой Европы”» (С. 11).

Проявляется это и в тематике. Если первая половина книги начинается с рассмотрения отношения правительств и обществ к миграции, то вторая — с межнациональных отношений и спорных регионов.

И.С. Путинцев проследил особенности политического процесса в Трансильвании и влияние на него фактора венгерского меньшинства. При этом, как это нередко встречается в балканском регионе, главный вопрос — вопрос о создании венгерской автономии не решаем, поскольку «перспективы компромисса не существует, в силу чего неудовлетворенность существующим положением сохраняется» (С. 239). Трансильванский вопрос оказывает свое влияние и на румынско-венгерские межгосударственные отношения, что показано в 17 главе А.С. Стыкалиным. Автор хотя и заключает, что несмотря на успешное развитие двусторонних экономических отношений, возникают конфликты, объясняемые «кардинальным различием подходов к вопросам исторической памяти об общем прошлом венгров и румын», но приходит к позитивному выводу. По его словам, «взаимная заинтересованность в дальнейшем развитии тесного экономического сотрудничества», общность интересов в деле евроинтеграции будут способствовать преодолению «возникающих конфликтов» (С. 299). Впрочем, оптимизм А.С. Стыкалина по отношению к Румынии вполне может показаться избыточным после чтения главы 16, написанной Н.Н. Морозовым. Он пунктирно, может быть даже излишне пунктирно, показал несостоятельность и путь к несостоятельности данного государства, виной чему как раз выступает поведение политических элит, должных действовать прагматично. «Очевидно, что интересы политиков и избирателей расходятся все сильнее, ожидания румын от будущего становятся все более пессимистическими», — отмечает автор в качестве итогов трансформации (С. 268). А потому неудивительны и пересмотр всего советского периода, определенный евроскептицизм населения, а вместе с ним — откат к национализму. Впрочем, справедливости ради, нужно отметить интенсивный экономический рост Румынии, особо заметный на фоне соседей. Динамика ВВП стран региона приведена А.А. Александровой (С. 365, 371).

Последующие главы данного раздела свидетельствуют, что Румыния — яркий пример итогов трансформации в регионе, но отнюдь не исключение. Так, для Хорватии важное место в ходе транзита занимала политика «примирения», описанная А.А. Пивоваренко. Страна, исторически восходит и к государству усташей, и к государству коммунистов. Это сказалось на целостности общества, в силу чего первому президенту Ф. Тунджману для создания прочного государства пришлось выработать ряд идеологических аксиом, способных привести к компромиссу «правую» и «левую» группировку внутри элиты. Однако, как отмечается, анализ реализации данной политики «позволяет говорить о сохранении по этим вопросам общественного несогласия, а возможно, и напряженности» (С. 351).

А в Черногории политическая система развивалась под влиянием внешних факторов. Хотя, как утверждает автор главы Я.Н. Смирнов, в Югославии все важные события тогда проходили «в основном под руководством или с санкции Вашингтона», М. Джуканович сумел добиться власти в том числе и при поддержке Москвы, которая для местного электората играла важную роль (С. 359). Сколь коротка оказалась благодарность черногорского правителя нам в 2020 г. уже известно, и это тонко подчеркнул Я.Н. Смирнов, назвав его «так называемым надежным партнером».

В то же время 19 глава показывает, что идеальных обобщений не бывает. На примере процесса демократизации, в итоге приведшего к независимости и трансформации, Словения показывает свою инаковость по отношению к региону. Даже национализм ее политических элит, как отмечает Н.С. Пилько, «имел весьма спокойную и, если так можно выразиться, “интеллигентную” форму» (С. 319). Возможно, причиной тому и водораздел, существовавший исторически, а не географически — Словения была частью Австро-Венгрии, а не Османской империи, и, как указала Н.С. Пилько, «идея принадлежности к европейской демократической традиции» укоренилась в головах местной политической элиты (С. 330).

Заключительные главы показывают, что в поисках объяснения причин различий не обязательно обращаться к дебрям истории даже вековой давности. Процессы в Греции являются синкретизмом процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе. С одной стороны, страна активно развивалась экономически, ее ВВП превышал суммарный ВВП соседних посткоммунистических стран, что наглядно показано А.А. Александровой в виде графика (С. 365). В связи с этим Греция выступала в роли интегратора Балкан в ЕС. С другой стороны, успешно реализовать свои планы в этой роли она не сумела, к тому же ввязалась в конфликт из-за названия современной Северной Македонии, что ударило по ее репутации в ЕС. А финансовый кризис, как отмечает А.А. Александрова, подорвал позиции Афин, и «прежде ключевая для ЕС и НАТО страна региона была отброшена на периферию, а на ее место лидера стали претендовать другие государства, такие как Румыния и Болгария» (С. 373). Данная глава лишней раз доказывает наличие разницы между странами, бывшими на орбите влияния СССР и США. Но неудача в реализации предоставленных возможностей и возвращение в один ряд с соседями дают право утверждать, что т.н. балканская матрица действительно диктует правила развития, и балканская «колея» оказалась глубже и прочнее, нежели евроатлантическая.

Написанная И.М. Мамедовым глава о Турции, показывает, сколь осторожно в 1990-е гг. сильный региональный игрок мог действовать в

фарватере евроатлантической политики, постепенно укрепляя позиции, что в дальнейшем ему позволило фактически открыто конфликтовать с Европой в целом. Однако здесь нельзя не отметить крайнюю неудачность применяемого автором термина «Третья Балканская война» в отношении событий, связанных с распадом Югославии. Автор указывает, что «в эти конфликты так или иначе были вовлечены не только республики Югославии, но и соседние страны, а также государства, находящиеся за пределами Балкан» (С. 375), и видит в них желание Европы раздробить Балканы по аналогии с вытеснением Османской империи из региона в начале XX в. Здесь необходимо выдвинуть несколько аргументов против такой трактовки. Во-первых, за пределы Югославии вооруженные конфликты не вышли, а вовлеченность соседей и сильных международных игроков характерна почти для всех масштабных событий. По этой логике Третьей балканской войной можно считать и Гражданскую войну в Греции 1944–1949 гг. Во-вторых, различны цели участников событий — в 1912–1913 гг. возникло лишь одно новое государство, остальные же стремились к присоединению территорий и объединению с соплеменниками. В 1990–2000-е гг. же шел процесс национального обособления. В-третьих, ставшая привычной стигматизация Балкан, которую усиливает термин «Третья Балканская война», не позволяет объективно оценивать процессы в регионе, где существуют более «спокойные» Греция и Болгария, а потому нуждается в аккуратном пересмотре.

В целом второй раздел монографии нельзя признать столь же удачным, сколь и первый. Во-первых, следует отметить его рыхлую структуру. Это объясняется количеством стран, каждой из которых невозможно уделить столь же полное внимание, как это сделано в первом разделе. Так, если бы трансформационные революции в странах бывшей Югославии были рассмотрены так же, как процессы в Польше и Венгрии с трех точек зрения, то и так не маленькая монография превратилась бы огромный труд. Но оказались вовсе не описаны процессы в Боснии и Герцеговине, Болгарии и Северной Македонии, а глава, посвященная Сербии, дает мало информации о том, каковы были ожидания и итоги трансформационной революции в стране. В ней описаны взгляды М. Джиласа на происходившие перемены. Ему удалось предсказать некоторые результаты транзита, однако даже при очевидной симпатии автора текста к фигуре политического деятеля заметно, на какой далекой периферии процессов находился М. Джилас.

Одной из важных причин лакун в описании региона, конечно, является дефицит специалистов по отдельным государствам Балкан. Впрочем, отметим, что перед данной книгой и не могла стоять задача описания всей современной истории всех стран Центральной и Юго-Восточной Ев-

ропы, поскольку в прошлом году Отдел современной истории Института славяноведения РАН уже подготовил и опубликовал такой труд³.

Потому указанный недостаток не снижает значимость труда, целью которого было на примере отдельных процессов показать особенности трансформационных революций в Центральной и Юго-Восточной Европе. В качестве достоинств отметим и аккуратную, но емкую разницу в названиях разделов. Первый имеет подзаголовок «Модели и их реализация», второй — «Ожидания и итоги». Это в полной мере отражает прагматизм и последовательность политического развития в Центральной Европе, и не всегда последовательность и не везде удачность — в Юго-Восточной.

Чтение книги приводит еще к двум заключениям о разнице между странами региона. В первом разделе описаны государства, воспользовавшиеся своим историческим шансом и состоявшиеся в полной мере, пусть и скатывающиеся в евроскептицизму. Во втором же — страны, все более удаляющиеся от европейских образцов, но в то же время покорные директивам из Брюсселя (за исключением Турции, естественно). Вдобавок, очевидна и разница в межэтнических проблемах. В первом случае они связаны с наплывом мигрантов, во втором — со старыми географическими и этническими спорами. Это позволяет констатировать с большой долей уверенности — в Центральной Европе есть шанс решить свои проблемы мирно, в Юго-Восточной — нет.

3 Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX — начало XXI в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 464 с. (Центральная и Юго-Восточная Европа в XX–XXI вв.: исследования и документы. — Вып. 1).